

**ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РАЗВИТИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, адрес: 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1, e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru, AuthorID: 263630

АСТАФИЧЕВА Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, адрес: 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149, e-mail: elenaastaficheva@yandex.ru, AuthorID: 799583

Аннотация. Цель статьи – исследование ряда актуальных проблем, связанных с взаимоотношением международного и российского права в политическом и социально-психологическом аспектах. Авторы обосновывают точку зрения, что даже экстраординарные внешнеполитические обстоятельства не дают оснований к полному отрицанию международно-правового регулирования, поскольку это проявление порицаемого современной моралью международно-правового нигилизма. С другой стороны, требования международного права не следует абсолютизировать. В случае расхождения международно-правовых установлений с внешнеполитическими интересами страны Российское государство имеет возможность оспаривать или подвергать сомнению «общепризнанность» тех или иных принципов и норм международного права. Кроме того, можно отказываться от принятых на себя ранее международно-правовых обязательств в установленных международным и национальным правом процедурах; пользоваться инструментарием конституционного правосудия *ad hoc*.

Ключевые слова: международно-правовые обязательства, geopolитические интересы, конституционализм, социально-психологическая мотивация, социальное благополучие.

Цит.: Астафичев П.А., Астафичева Е.Ю. Принципы и нормы международного права в развитии политической системы современной России//Среднерусский вестник общественных наук. – 2022.– Том 17.– №3.– С.109– 122.

**PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE
DEVELOPMENT OF THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA**

ASTAFICHEV P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Saint-Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru.

ASTAFICHEVA E. Yu., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of extreme situations, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia (Russian Federation, Saint-Petersburg), e-mail: elenaastaficheva@yandex.ru.

Abstract. The purpose of the article is to study a number of topical issues related to the relationship between international and Russian law in political, social and psychological aspects.

It is emphasized that even extraordinary foreign policy circumstances don't give grounds for a complete denial of international legal regulation, since this is a manifestation of international legal nihilism condemned by modern morality. On the other hand, it is stressed that the requirements of international law shouldn't be absolutized.

As a result of the research, the authors draw conclusions that in case of divergence of international legal regulations with foreign policy interests of the country, Russia has an opportunity to challenge the universal recognition of certain principles and norms of international law. In addition, the authors conclude that it is possible to abandon the previously assumed international legal obligations in the procedures established by international and national law and to use the tools of constitutional justice according to the current situation.

Keywords: international legal obligations, geopolitical interests, constitutionalism, social and psychological motivation, social well-being, public administration.

For citations: Astafichev, P.A.; Astaficheva, E.Yu. (2022) *Principles and norms of international law in the development of the political system of modern Russia// Central Russian Journal of Social Sciences. – Volume 17, Issue 3. – P.109– 122.*

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития политической системы России характеризуется как весьма сложный и противоречивый. С одной стороны, российское общество решительно отказалось от ряда идеологических установлений марксизма-ленинизма, предпочитая путь рыночной и социально ориентированной экономики, основанной на ценностях конституционной демократии, верховенства прав и свобод человека, многопартийности, парламентаризма и независимого правосудия [1, С. 18-24]. С другой – наблюдаются тенденции к усилению государственного администрирования и сокращения частной инициативы [3, С. 16]. На geopolитическом пространстве имеют место частичные изоляция и самоизоляция, что весьма существенным образом обострилось вследствие политических событий от 24 февраля 2022 г. При подобных обстоятельствах актуализируется в числе прочего проблема соотношения принципов и норм международного и внутригосударственного права, причем не только в юридическом, сколько в политическом и социально-психологическом аспектах.

В кризисных ситуациях вполне естественным образом проявляются крайности, преувеличения и гипертрофированные суждения. В их числе – едва ли не всеобщее (во всяком случае, на социально-психологическом уровне) отрицание большинства «западных» ценностей, среди которых, в силу инерционности общественного мнения, оказались «общепризнанные принципы и нормы международного права». Их отрицание или сомнение в их общеобязательности для правовой системы России наблюдались в социально-политической мысли и ранее, но с такой повышенной силой, пожалуй, еще никогда, даже в период Карибского кризиса 1962 г.

Однако в действительности механизм правового регулирования общественных отношений в современной России (во всяком случае, после 12 декабря 1993 г.) основывается и продолжает базироваться во многом на общепризнанных принципах и нормах международного права. Отрицать это – значит попросту не знать подлинного содержания действующих юридических принципов и правовых норм в России, складывающейся на их основе правоприменительной практики, т. е. в значительной степени выдавать желаемое за действительное.

Пропагандируемая рядом СМИ социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей наблюдается на фоне практически полностью «западной» экономической системы и такой же «западной» нормативной формы права в ее романо-германском эквиваленте [6, С. 98]. (если под «западными» ценностями понимать общепризнанные принципы и нормы международного права, а также положения международных договоров, которые подписаны президентом РФ и его предшественниками, ратифицированы парламентом страны и ранее действовавшими высшими органами народного пред-

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ставительства РСФСР и СССР). Следует ли современной России при имеющихся обстоятельствах полностью отказываться от этого и выстраивать методологически свою, строго «национальную» систему экономики и права? Или же нужно, хотя бы отчасти, признать, что закономерности развития экономической и правовой систем основываются на общих достижениях общечеловеческой мысли, что здесь объективно наблюдается весьма высокая степень стандартизации и унификации ввиду ряда общих ценностей современного цивилизованного общества?

Конечно, каждое государство имеет собственные геополитические интересы [5, С.964], которые не всегда совпадают с приоритетами внешней политики зарубежных стран и нуждаются, вопреки влиянию «извне», в адекватной защите и поддержке силами национальных правительств. Однако до какой степени эта «специфичность» может и должна доходить, если общество действительно стремится к высоким темпам социально-экономического развития и обеспечению высокого уровня благосостояния своих граждан (ст. 75.1. Конституции РФ)?

Патриотически ориентированная внутренняя политика, во всяком случае, не должна отрицать экономические и правовые инструменты «западного» происхождения, если они благодатно воспринимаются отечественной «почвой» на современном этапе функционирования страны (*pro bono*) и уже зарекомендовали себя как весьма эффективно действующие в течение нескольких десятилетий после распада СССР и разрушения марксистско-ленинской идеологической системы. Эти и ряд других обстоятельств актуализируют, на наш взгляд, необходимость исследования в современной российской науке проблемы реализации принципов и норм международного права в правовой системе страны с политической и социально-психологической точек зрения.

1. Конституционное регулирование

Отвечая на поставленные проблемные вопросы, обратимся, прежде всего, к положениям Конституции РФ и развивающим ее нормы постановлениям Конституционного Суда РФ. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержится установление, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры» России «являются частью ее правовой системы», причем при конфликте положений международного договора Российской Федерации с национальным законом применению подлежат правила международного договора.

Статья 15 Конституции РФ относится к неизменяемой в обычной процедуре главе первой основного закона страны, т. е. в нее нельзя внести поправки, ее можно пересмотреть [2, С. 6-41; 4, С.41] только вместе с положениями всей Конституции РФ, так как это составляет одну из основ конституционного строя. Пересмотр Конституции РФ

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

предполагает принятие федерального конституционного закона о Конституционном собрании (его в правовой системе нет), созыв Конституционного собрания (до настоящего времени оно не созывалось), которое либо подтверждает неизменность основного закона страны, либо разрабатывает проект новой Конституции РФ. Новый основной закон может быть принят как разработавшим ее Конституционным собранием, так и гражданами путем конституционного референдума, если Конституционное собрание посчитает это нужным и не отдаст предпочтение собственному волеизъявлению.

Социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей довольно часто вызывает к жизни следующее бытовое суждение: «Почему положения международных договоров по юридической силе выше, чем нормы российских законов?» Казалось бы, всё должно быть наоборот в силу принципов российского суверенитета и верховенства закона. Однако профессиональной юриспруденции эта проблема хорошо известна, как и очевиден путь ее разрешения. *Pacta sunt servanda* (лат.) – каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться. Если Россия в лице ее уполномоченных государственных органов подписывает и ратифицирует международный договор, она берет на себя тем самым международно-правовое обязательство, которое подлежит исполнению даже в случае его противоречия внутреннему законодательству¹. Данная коллизия может быть преодолена денонсацией ранее ратифицированного международного договора или внесением изменений во внутреннее законодательство.

Правило о верховенстве международного договора над внутренним законодательством основывается исключительно на добровольном волеизъявлении российской стороны, которое лишено каких-либо свойств необратимости (международное обязательство можно на себя взять и от него можно отказаться). Вопрос лишь в том, что принятое обязательство нужно исполнять, иначе это уже не «обязательство» в юридическом смысле. Таким образом, нормы ст. 15 Конституции РФ не несут в себе какой-либо «антипатриотической» направленности, не нарушают государственный суверенитет и вообще никоим образом не препятствуют реализации геополитических интересов страны в ее международном общении². Речь идет лишь о

¹ Разрешая дело о соответствии Конституции РФ федерального законодательства о международных договорах, Конституционный Суд РФ установил, что до официального опубликования противоречащий закону международный договор применяться не может – см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» // СЗ РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1810.

² Примечательно, что международный договор о принятии Крыма в состав Российской Федерации проверялся Конституционным Судом РФ на предмет его конституционности по запро-

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

юридической необходимости выполнения взятых на себя международно-правовых обязательств, даже если этому временно препятствуют положения внутреннего законодательства (до тех пор, пока парламент не внесет в него необходимые изменения и дополнения, если это необходимо и политически целесообразно).

2. Конституционные поправки

В 2020 г. в Конституцию РФ были внесены многочисленные поправки¹, которые затронули в числе прочего и проблему соотношения международного и национального права. Вопреки расхожему мнению конституционный законодатель в 2020 г. не только ослабил (об этом речь пойдет ниже), но и усилил ряд позиций, которые связаны с международными отношениями нашей страны, ее внешними обязательствами и международным авторитетом государства, что было и остается приоритетом внешней политики современной России. Так, ч. 1 ст. 67.1 в новой (от 2020 г.) редакции Конституции РФ содержит указание на то, что Российская Федерация является право преемником и «правопророджателем» Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств.

Это означает, что современное Российское государство на конституционном уровне в 2020 г. официально заявило о своем стремлении участия в международных отношениях в той мере, в какой это возможно исходя из норм международного права и национальных интересов страны. Современная Россия конституционно-юридически и, следовательно, официально выразила желание быть членом международных организаций (ООН, Всемирной торговой организации, Интерпола, Всемирной организации здравоохранения, Международного агентства по атомной энергетике, Международной организации труда, Международного валютного фонда, ЮНЕСКО, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза и др.)² и их органов (Ге-

су президента РФ – см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // СЗ РФ. – № 13. – Ст. 1527.

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организаций и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – № 11. – Ст. 1416.

² В связи с этим примечательна практика оспаривания в Конституционном Суде РФ по запросу группы депутатов Государственной Думы, которые остались в меньшинстве при голосовании за ратификацию международного договора, о присоединении, например, к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации – см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

неральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН и т.п.), если только в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ не будут внесены соответствующие поправки. В силу принципа верховенства Конституции РФ это официальное намерение страны, которое не может быть преодолено волей ни одного из высших государственных органов, поскольку деятельность законодателя имеет «подконституционный» характер, а функционирование всех других органов публичной власти связано и подчиняется требованиям Конституции РФ и законов.

О приверженности современной России принципам и нормам международного права неоспоримо свидетельствует содержание ст. 67 Конституции РФ, которая регулирует международно-правовые вопросы территории государства. Состав территории Российской Федерации по смыслу ч. 1 ст. 67 Конституции РФ (материковая часть, внутренние воды, территориальное море, воздушное пространство над ними) полностью соответствует международно-правовым стандартам. То же можно сказать о суверенных правах и юрисдикции России на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне, что сопровождается в ч. 2 ст. 67 действующей Конституции РФ специальной оговоркой – «в порядке, определяемом нормами международного права». Часть 2.1 в новой редакции ст. 67 Конституции РФ использует международно-правовые категории «делимитация», «демаркация» и «редемаркация».

Глава первая Конституции РФ в значительной степени воспроизводит принципы Устава ООН, глава вторая Конституции РФ – нормы Всеобщей декларации прав человека, главы 3–8 Конституции РФ – положения многих конституций зарубежных стран. Трудовой кодекс РФ методологически построен на рекомендациях Международной организации труда. Подобные примеры можно продолжать и далее. Все они свидетельствуют о том, что международно-правовая методология содержательно (*ratio legis*) «пронизывает» действующее российское законодательство настолько глубоко и основательно, что ее полное исключение из юридической материи (как того требует набирающая популярность социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей) означало бы в России ликвидацию положительного права как такового. Полагаем, что *международно-правовой нигилизм в той же мере вреден правосознанию россиян, как и дружно критикуемый в отечественной науке обычный правовой нигилизм*.

Сказанное, однако, не означает, что международное право следует абсолютизировать. Оно весьма абстрактно и отличается особой степенью правовой неопределенности. Предмет извечного спора состав-

присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4169.

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ляет, например, вопрос, являются ли принцип или норма международного права «общепризнанными». Внешнеполитические отношения подвижны и склонны к быстрым изменениям, в то время как международно-правовое регулирование стабильно и нередко даже весьма «неповоротливо». Вследствие своей инертности оно иногда перестает отвечать новым и актуальным запросам времени. Происходит это потому, что в масштабах мирового сообщества нет единого парламента, президента, правительства и т. п. В международно-правовое регулирование некому вносить изменения и дополнения, пока нации не договорятся и не придут к определенному консенсусу. Вследствие этого международное право не является всепроникающим, оно имеет весьма ограниченную предметную область, опирается на суверенитет государств и предполагает высокую степень дисcretionии национальных правительств вследствие самобытности соответствующих политico-правовых культур. Возможны и неизбежны также коллизии между международным и национальным правовым регулированием.

В связи с этим при внесении поправок в Конституцию РФ от 2020 г. в основном законе страны появилась норма, согласно которой «решения межгосударственных органов», которые приняты на основании положений международных договоров России, но противоречат Конституции РФ, не подлежат исполнению на территории Российской Федерации (ст. 79 Конституции РФ). Иными словами, подписанный и ратифицированный международный договор России по юридической силе по-прежнему выше, чем федеральный закон (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), но это не распространяется на случаи противоречия международного договора Конституции страны.

Правило о верховенстве Конституции РФ над решениями межгосударственных органов, даже если обязательность их решений следует из положений международных договоров Российской Федерации, приобрело свое действие в правовой системе России значительно раньше, чем с момента внесения поправок в Конституцию РФ от 2020 г. Об этом сначала было заявлено Конституционным Судом РФ на уровне постановления¹, затем названное правило стало применяться

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

тем же Конституционным Судом РФ в конкретных судебных спорах. Подчеркнем, что здесь наблюдается методология *ad hoc* (применительно к особому случаю (лат.)). Конституционный Суд РФ не проводил «сплошным» образом все без исключения решения Европейского суда по правам человека на предмет их конституционности, поскольку, во-первых, подобной инициативы не проявляли лица, которые уполномочены законом на обращение в Конституционный Суд РФ с соответствующим запросом, во-вторых, не было на то воли судей Конституционного Суда РФ.

Речь шла сначала о юридической допустимости, затем о последующей судебной практике признания невозможным исполнить решение Страсбургского суда *ad hoc*, т. е. при особых и даже чрезвычайных конституционных обстоятельствах, когда требование конституционной идентичности явно превалирует над принятыми Россией международно-правовыми обязательствами. Методология отправления конституционного правосудия *ad hoc* (при постоянстве юрисдикции Конституционного Суда РФ в отношении всех других категорий подсудных ему споров) – своего рода ключ к верному истолкованию нормативных положений ст. 79 Конституции РФ. Этому также способствовал генезис международного права, стимулированный итогами Второй мировой войны и появлением ряда международных трибуналов *ad hoc* – Нюрнбергского трибунала [7, С. 289], Международного военного трибунала для Дальнего Востока [8, С. 25]; позже – действующих сегодня Международного трибунала по бывшей Югославии [9, С. 18], Международного трибунала по Руанде [10, С. 54].

3. Правоприменительная практика

Практика Конституционного Суда РФ складывалась следующим образом. Рассматривая дело о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России», Конституционный Суд РФ признал допустимым ограничение избирательных прав граждан, которые находятся в местах лишения свободы, по вступившему в законную силу обвинительному приговору суда. Исполнить такое решение Европейского суда в России было бы действительно сложно, потому что для внесения изменений в ст. 32 Конституции РФ (где предусмотрено ограничение избирательных прав заключенных) необходимы созыв Конституционного собрания и принятие новой Конституции страны. Запрет ст. 32 Конституции РФ настолько однозначен и категоричен, что его нельзя преодолеть волей парламента даже при самом гипотетически положительном настрое российских сенаторов и депутатов в пользу реализации соответствующих принципов европейского правопорядка. Таким образом, в данном случае противоречие между решением межгосударственного органа и нормами Конституции РФ было настолько очевидным, что соответствующая правовая позиция Конституционного Суда РФ вы-

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

глядела вполне обоснованной и мотивированной. Однако и здесь имелся ряд проблемных аспектов, на что указывает наличие особых мнений трех судей Конституционного Суда РФ из 18 голосовавших: К. В. Арановского, С. М. Казанцева и В. Г. Ярославцева¹.

Обращает на себя внимание также правовая позиция Конституционного Суда РФ о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека по делу «ЮКОС против России». По сравнению с предыдущим случаем здесь вопросы конституционной законности были выражены менее ярким образом. По сути, речь шла о коммерческом споре о взаимных обязательствах на довольно крупные суммы, причем Европейский суд по правам человека настаивал на недопустимости ретроактивного применения санкций за неуплату налогов, в то время как Конституционный Суд РФ взял за основу аргумент необходимости взаимодействия и диалога между европейским конвенционным правопорядком и российским конституционным строем, отрицая при этом их субординацию. В конечном итоге решение было вынесено в пользу невозможности исполнения акта Европейского суда при двух судьях, которые выразили свои особые мнения (К. В. Арановский и В. Г. Ярославцев)².

Приведенные примеры свидетельствуют о сложности и неоднозначности использования процедуры конституционного судопроизводства *ad hoc* применительно к делам о допустимости исполнения на территории России актов Европейского суда по правам человека. Однако это, скорее, исключения, чем само правило. Данная проблематика значительно утратила свою актуальность в связи с последними политическими событиями, связанными с членством России в Совете Европы и юрисдикцией Европейского суда по правам человека в отношении дел о требованиях российских граждан к российским властям. Но даже при этих обстоятельствах необходимо признать, что ни Конституция РФ от 1993 г., ни поправки к ней от 2020 г. никогда не ставили под сомнение фундаментальность и незыблемость основных принципов международного правопорядка, генеральная приверженность которым многократно заявлялась СССР и Россией как его правопреемником и ранее, и сейчас.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2017. – № 5. – Ст. 866.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие обобщения и выводы. Международное и национальное право действуют одновременно и взаимодействуют друг с другом. Даже самые экстраординарные внешнеполитические обстоятельства не дают оснований к полному отрицанию международно-правового регулирования, поскольку это проявление порицаемого современной моралью международно-правового нигилизма¹. С другой стороны, требования международного права не следует абсолютизировать. В случае расхождения международно-правовых установлений с внешнеполитическими интересами страны Российской государство имеет возможность, во-первых, оспаривать или подвергать сомнению «общепризнанность» тех или иных принципов и норм международного права, во-вторых, отказываться от принятых на себя ранее международно-правовых обязательств в установленных международным и национальным правом процедурах, в-третьих, пользоваться инструментарием конституционного правосудия *ad hoc*, если международно-правовое обязательство в целом целесообразно за собой сохранить, однако конкретное решение межгосударственного органа противоречит Конституции государства и потому не должно, по мотивированному мнению судебного органа конституционного контроля, выполняться на территории нашей страны.

Социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей имеет свои объяснения, особенно в период обострения международных отношений. В определенной степени она оказывает полезное воздействие на формирование общественного мнения, если речь идет о разумном, сдержанном и подлинном патриотизме, как того требуют положения ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ. Однако подлинный патриотизм не имеет ничего общего с «примитивным», или «вульгарным», патриотизмом, основным методом которого является упрощенное отрицание «чужого» и соразмерное этому тотальное восхваление всего «своего». Последнее нельзя признать приемлемым в российском обществе.

Применительно к современному международному праву следует также учитывать, что Россия как правопреемник СССР – не просто участник международных отношений и государство – член ООН: она является также одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, который, в свою очередь, обладает рядом исключительных международно-правовых полномочий. СССР, наряду с другими странами антигитлеровской коалиции, явился одним из основоположников *современного* международного правопорядка. Отрицать сегодня

¹ Даже в условиях войны или других вооруженных конфликтов важнейшее значение имеет соблюдение сторонами норм международного гуманитарного права.

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

международное право – значит ставить под сомнение историко-правовую роль СССР в международных отношениях во второй половине XX века и вытекающие из этого международно-юридические возможности России как правопреемника СССР пользоваться соответствующими прерогативами в международном общении¹. Полагаем, что подобная *международно-нигилистическая трактовка* вряд ли полезна для современного *внутриполитического сознания* и *геополитических интересов* нашего государства, даже если она, казалось бы, имеет положительную социально-психологическую мотивацию в общественном мнении.

Библиография/References:

1. Баренбойм П.Д. Государство как произведение искусства и конституционная экономика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 4.
2. Белкин А.А. Пересмотр Конституции. Теоретические аспекты // Вопросы правоведения. – 2009. – № 2.
3. Буздалина О.Б. Теоретические основы необходимости усиления администрирования государственного финансового контроля // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 4.
4. Малофеев К.В. Институт пересмотра Конституции Российской Федерации в системе отрасли конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12.
5. Сайдов З.А., Нинциева Т.М. Внутринациональные и геополитические интересы в контексте национальных интересов // Финансовая экономика. – 2018. – № 7.
6. Филонов А.В. Правовая система Российской Федерации в романо-германской правовой семье: общее и особенное (сравнительно-правовой аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2020. – № 1.
7. Савчук Н.В., Кобак Е.А. Правовое наследие Нюрнбергского трибунала: исторический аспект // Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2021. – № 8. – С. 289.
8. Болд Р. Международный военный трибунал для Дальнего Востока: «Японская операция на Халхин-Голе была агрессивной войной» // Историко-экономические исследования. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 25.
9. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции. Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006. – С. 18.

¹ В пользу необходимости признания и уважения международного права могут быть высказаны и другие аргументы, однако это составляет предмет отдельного исследования и выходит за рамки данной научной статьи.

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

10. Мезе Э. Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного уголовного трибунала по Руанде // Международное правосудие. – 2016. – № 4. – С. 54.

1. Barenbojm, P.D. (2009) Gosudarstvo kak proizvedenie iskusstva i konstitucionnaya ekonomika [The state as a work of art and constitutional economics] // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [The Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence]. – № 4. (In Russ.)

2. Belkin, A.A. (2009) Peresmotr Konstitucii. Teoreticheskie aspekty [Belkin A.A. Revision of the Constitution. Theoretical aspects] // Voprosy pravovedeniya [Questions of jurisprudence]. – № 2. (In Russ.)

3. Buzdalina, O.B. (2012) Teoreticheskie osnovy neobhodimosti usileniya administrirovaniya gosudarstvennogo finansovogo kontrolyya [Theoretical foundations of the need to strengthen the administration of state financial control] // Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law]. – № 4. (In Russ.)

4. Malofeev, K.V. (2020) Institut peresmotra Konstitucii Rossijskoj Federacii v sisteme otrsli konstitucionnogo prava [Institute of revision of the Constitution of the Russian Federation in the system of the branch of constitutional law] // Konstitucionnoe i municipal'noe parvo [Constitutional and municipal law]. – № 12. (In Russ.)

5. Saidov, Z.A., Nincieva T.M. (2018) Vnutrinacional'nye i geopoliticheskie interesy v kontekste nacional'nyh interesov [Intra-national and geopolitical interests in the context of national interests] // Finansovaya ekonomika [Financial Economics]. – № 7. (In Russ.)

6. Filonov, A.V. (2020) Pravovaya sistema Rossijskoj Federacii v romano-germanskoj pravovoj sem'e: obshchee i osobennoe (sravnitel'no-pravovoj aspekt) [The legal system of the Russian Federation in the Romano-Germanic legal family: general and special (comparative legal aspect)] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences]. – № 1. (In Russ.)

7. Savchuk, N.V., Kobak E.A. (2021) Pravovoe nasledie Nyurnbergskogo tribunal'a: istoricheskij aspekt [The legal legacy of the Nuremberg Tribunal: historical aspect] // Sovremennye tekhnologii i nauchno-tehnicheskij progress [Modern technologies and scientific and technological progress]. – № 8. – 289 p. (In Russ.)

8. Bold, R. (2019) Mezhdunarodnyj voennyj tribunal dlya Dal'nego Vostoka: «Yaponskaya operaciya na Halhin-Gole byla agressivnoj vojnoj» [International Military Tribunal for the Far East: "The Japanese operation on Khalkhin Gol was an aggressive war"] // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Historical and economic studies]. – T. 20. – № 1. – 25 p. (In Russ.)

ВНЕШНИЙ МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

9. Mihajlov, N.G. (2006) Mezhdunarodnyj ugolovnyj tribunal po byvshej YUgoslavii kak institut mezhdunarodnoj ugolovnoj yusticii. Dis. ... dokt. jurid. Nauk [The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia as an institute of International Criminal Justice. Dis. ... doct. jurid. Sciences]. – M., – 18 p. (In Russ.)
10. Meze, E. (2016) Kak sudy interpretiruyut i pishut istoriyu: iz opyta Mezhdunarodnogo ugolovnogo tribunala po Ruande [How courts interpret and write history: from the experience of the International Criminal Tribunal for Rwanda] // Mezhdunarodnoe pravosudie [The International Justice]. – № 4. – 54 p. (In Russ.)